

Т. М. Кибардина (*Можга*)

Заимствованные русские модальные слова в удмуртском языке

Лексика удмуртского языка, как и лексика любого другого языка, неоднородна по происхождению. Удмуртский язык, являясь одним из представителей финно-угорской языковой общности, кроме слов финно-угорского происхождения и исконной лексики, содержит в своем составе большой процент иноязычных слов – по подсчетам лингвистов, 14–15% [Тарakanов 1992: 59].

Территория Волго-Камья, где с древнейших времен проживают удмурты, по словам профессора И. В. Тараканова, – “сосредоточие разноязычных племен и народов” [Тараканов 1981: 3]. Это способствовало тому, что удмурты вступали в различные контакты с соседними народами. И в таких условиях, наряду с культурно-экономическим обменом, естественным образом проходил процесс освоения языков и заимствования иноязычных слов.

Проблеме изучения иноязычной лексики в современном удмуртском языке посвящены работы Б. А. Серебренникова (1983), И. В. Тараканова (1981; 1992), В. К. Кельмакова (1981; 1986), Р. Ш. Насибуллина (1999), М. Г. Атаманова (1988; 1997) и других ученых.

Например, И. В. Тараканов в книге “Иноязычная лексика в современном удмуртском языке” приводит заимствования из тюркских язы-

ков: *керек* 'может быть, наверное', *дыр* 'наверное', *арна* 'наверное', *эсь-маса* 'по крайней мере'. Однако для большинства носителей удмуртского языка данные заимствования из тюркских языков не соотносятся со значениями знаменательных слов, от которых они отдифференцировались. Поэтому трудно их отнести к модальным словам. Скорее всего, они воспринимаются как модальные частицы.

Наряду со словами индоиранского, индоевропейского, тюркского и прочего происхождения, в лексике удмуртского языка ученые выделяют целый пласт русских заимствований. По мнению Р. Ш. Насибуллина, "в удмуртском языке по сравнению с другими заимствованиями русские лексические заимствования по количеству теперь занимают первое место" [Насибуллин 1999: 5].

Однако, как показывают результаты изучения трудов, посвященных русским заимствованиям в удмуртском языке, по исследуемой нами проблеме специальных наблюдений не проводилось. Несколько примеров заимствованных модальных слов приводятся в "Грамматике современного удмуртского языка" [ГСУЯ 1962: 368, 370]. Р. Ш. Насибуллин в своей докторской диссертации, посвященной изучению русских заимствований, также приводит несколько заимствованных модальных слов: *может быть* [т. 1: 188, т. 2: 105], *может* [т. 2: 105], *например* [т. 1: 188], *видно* [т. 2: 29] [Насибуллин 1999].

Наблюдения показывают, что в разговорной речи очень часто используются заимствованные из русского языка модальные слова. А каков же их количественный состав, какова частотность употребления в речи? В силу каких причин заимствуются русские модальные слова? Какие значения они вносят в высказывание? Возможна ли их замена соответствующими удмуртскими модальными словами и частицами?

В ходе исследований нам удалось выявить ряд заимствованных из русского языка модальных слов. Источником исследования послужили произведения удмуртской художественной литературы: роман И. Гаврилова "Вордйськем пальёсын" и роман Г. Перевощикова "Йёвалег".

Таким образом, можно пронаблюдать за проникновением в удмуртский язык модальных слов из русского языка во временном, территориальном и социальном аспектах.

Анализ показывает, что в авторском повествовании используются, за редким исключением, собственно удмуртские модальные слова и сочетания, тогда как в речи героев произведения (диалогах, монологах-размышлениях, что передает живую удмуртскую разговорную речь) встречаются такие заимствованные из русского языка модальные слова, как *может/может, может быть, пожалуй, незнай, положим, инте-*

ресно, допустим, конечно/конечно, соглаш, надеюсь, безусловно, видно, наверно, стало быть, значит, само собой, видимо, правда.

Рассмотрим далее на примерах, какие значения выражают некоторые из заимствованных модальных слов.

1. Модальное слово *безусловно* передает значение уверенного утверждения, подтверждения; говорящий с помощью этого модального слова может выразить также свое полное согласие.

Данному модальному слову не удалось подобрать идентичного удмуртского модального слова. Отсюда можно сделать вывод, что слово *безусловно* заняло свое место в ряду удмуртских модальных слов для выражения уверенного утверждения, полного согласия. Модальное слово *безусловно* в удмуртский язык вошло без каких-либо фонетических изменений.

2. Модальное слово *видно* придает высказыванию значение возможности, предполагаемой достоверности. В русском языке оно однотипно со словом категории состояния. В удмуртском языке ему соответствует модальное слово *шӧдске*.

Заимствованное модальное слово *видно* активно функционирует в удмуртском языке наряду с идентичным ему удмуртским модальным словом *шӧдске*.

3. Модальное слово *значит* служит для передачи уверенности говорящего, а также совмещает в себе значение вывода, следствия из вышеизложенного. По этой причине академик В. В. Виноградов отмечает, что это слово и подобные ему по своей функции близки к союзам: “Отдельный разряд образуют модальные слова и словосочетания, выражающие отношение содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания. Эти модальные слова по своей функции близки к союзам. Однако модальные слова этого типа выражают не соотношение связываемых синтаксических единиц, а обозначают разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению. Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой” [Виноградов 1947: 739]. К таким словам, в числе других, академик относит модальное слово *значит* и модальное словосочетание *стало быть*. Слова *значит* и *стало быть* в удмуртском языке выражают не только общую последовательность мыслей в ходе высказывания, но и совмещают в себе значение модальности (уверенность говорящего, его выводы, умозаключение).

Модальным словам *значит* и *стало быть* по своему значению в удмуртском языке соответствует модальное слово *озыьен*.

4. Модальное слово *допустим* придает высказыванию значение предположения, не совсем уверенного подтверждения, допущения воз-

можности, кроме того, это модальное слово совмещает в себе значение логического рассуждения в ходе мыслей.

В удмуртском языке ему соответствует модальное слово *шуом* 'скажем'.

5. Модальное слово *пожалуй* выражает значение допущения возможного, склонности согласиться, неуверенного согласия, предположения, вероятности, а также "эмоционально-волевого отношения говорящего лица к предмету сообщения" [Виноградов 1947: 739].

В удмуртском языке слову *пожалуй* соответствуют модальные частицы *дыр*, *лэся*, в диалектах *арна*, модальное слово *вылды*, однако не всегда слово *пожалуй* можно заменить ими, например, в функции слова-предложения ни одно из этих соответствий не может выступить.

6. В произведениях названных авторов выявлено несколько примеров, указывающих на переход в разряд модальных слов в удмуртском языке наречия *интересно*. В словарях русского языка не указывается это слово ни как модальное, ни как вводное. В русской грамматике, например, в пособии "Современный русский язык" слово *интересно* рассматривается как слово категории состояния, "выражающее интеллектуальное состояние", и указывается, что "в сложном предложении выполняет роль сказуемого в главном безличном предложении" [СРЯ 1952: 400].

Однако примеры показывают, что данное слово передает предположение говорящего, его рассуждение в возможности высказываемой мысли. В удмуртском языке модальное слово *интересно* употребляется в вопросительных предложениях: *Интересно, валаськод меда ачид, та повестед нӧзьгес шуыса?* (Перевощиков, 216). 'Интересно, а сам понимаешь ли ты, что повесть твоя "сырая"?'

В "Грамматике современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения" в разделе о вводных словах и предложениях приведены примеры с заимствованными вводными словами, где в числе других имеется и слово *интересно*: "В функции вводных слов употребляются также заимствованные слова из русского языка (*значит, пожалуй, пожалуйста, конечно, интересно, может, понимаешь* и др.)" [ГСУЯ 1970: 238]. Значит, нам можно выдвинуть гипотезу о преобразовании слова категории состояния в русском языке в модальное слово в удмуртском языке в результате освоения слова. В самом деле, по определению сложного предложения, "входящие в его состав отдельные предложения не обладают самостоятельностью и законченностью и представляют собой взаимосвязанные и дополняющие друг друга элементы целого сложного предложения" [Гвоздев 1968: 199]. В таком случае проследим, изменится ли целостность предложения, если лишить его мо-

дального слова. Сравните: *Интересно, Надя сое тодэ-а, уг-а?* (Перевощиков, 385). 'Интересно, Надя знает ли это или нет?' и *Надя сое тодэ-а, уг-а?* 'Надя знает ли это или нет?'

Как видим из примеров, смысл высказывания изменился только в выражении субъективной модальности, а целостность предложения не нарушилась. Таким образом, нам кажется возможным считать слово *интересно* модальным в удмуртском языке.

7. Модальное слово *соглаш* является вариантом русского краткого прилагательного *согласен*. В удмуртском языке слово подверглось фонетическим изменениям и выступает в форме *соглаш*. При этом его лексическое значение сохранилось. Оно выражает значение согласия, уверенного утверждения. В удмуртском языке модальному слову *соглаш* близко по значению модальное слово *валамон, зэм*, но только в какой-то степени. Полностью соответствующего данному модальному слову для выражения предположительного согласия в удмуртском языке нет. Поэтому мы можем утверждать, что слово *соглаш*, как и слово *интересно*, занимает свою нишу в ряду удмуртских модальных слов.

8. Наиболее употребительным заимствованным модальным словом, выражающим уверенность говорящего, является слово *конешно/конечно*. Оно окончательно закрепило за собой модальную функцию, употребляется только в роли вводного слова или слова-предложения, утверждающего реальность мысли предыдущего высказывания.

Заимствованное модальное слово *конечно* в художественной литературе встречается в двух фонетических вариантах: *конечно* и *конешно*. Употребляется во всех типах предложений, может относиться ко всему предложению или только к его части, в разговорной речи нередко употребляется и в функции слова-предложения.

В удмуртском языке ему близки по значению слова *мазэ веранэз* 'что и говорить', *бен* 'да', *тодмо ини* 'известно уж'. Однако не всегда возможна замена слова *конечно* удмуртским вариантом.

Теперь по поводу употребления фонетических вариантов *конечно* и *конешно*. Анализ предложений показал, что в диалогической речи и в монологах героев употребляется разговорный вариант – *конешно*, а в авторском повествовании – *конечно*.

9. Довольно частым по употреблению в удмуртской разговорной речи является и модальное слово *может* с вариантом *можот* и словосочетание *может быть/можот быть*. Данное модальное слово и словосочетание выражают неуверенное подтверждение, вероятность, возможность. В удмуртском языке сочетанию *можот быть* соответствия нет, а слову *можот* соответствуют модальные частицы *дыр, оло*.

10. В разговорной речи также встречается модальное слово *незнай*, выражающее сомнение, нерешительность, предположение. По происхождению это слово восходит к отрицательному глаголу *не знаю*. В удмуртском языке слово подверглось фонетическому преобразованию. Отрицательный глагол *не знаю* в русском языке не употребляется в качестве модального слова и не выступает в предложениях в функции вводного слова. Но в любом случае слово *незнай* заимствовано из русского языка, и модальным оно стало уже в удмуртском языке в результате переосмысления и изменения его функции в предложении. В приведенных выше примерах модальное слово *незнай* не может быть заменено соответствующим глаголу *не знаю* в удмуртском языке выражением *уг тодйськы*. В удмуртском языке ему соответствует модальное слово *ойтӧд*.

Итак, мы рассмотрели некоторые случаи употребления заимствованных из русского языка модальных слов в произведениях Г. Перевощикова и И. Гаврилова. Подсчет заимствованных из русского языка модальных слов показал, что наибольшее количество заимствованных модальных слов встречается в романе Г. Перевощикова – всего 239 примеров из общего числа модальных слов в произведении (1101), что составляет 21,7%, а у И. Гаврилова – 20 примеров из 213, что составляет 9,38%. Анализ показывает, что в романе “Йӧвалег” автор Г. Перевощиков заимствованные русские модальные слова использует не только для выражения модального отношения к высказываемой мысли, но и в качестве средства персонизации героев. Например, такие редко встречающиеся в удмуртской разговорной речи заимствованные модальные слова, как *надеюсь, безусловно, само собой, видимо, правда, стало быть, допустим* в своей речи чаще всех употребляет один герой – Павел Тимофеевич, занимающий должность начальника предприятия, а слова *может быть, можот* чаще всего встречаются в речи простых людей: людей пожилого возраста, из сельской местности и рабочих (теща Бориса, мать Овчинникова, Надя Белослудцева, Борис и др.)

В романе И. Гаврилова “Вордйськем пальёсын” наиболее часто встречается слово *конечно* (14 примеров), 3 примера со словом *пожалуй*, по одному примеру со словами *может, видно, стало быть*. Вероятно, это связано с тем, что в 60-е гг. требования к чистоте удмуртского языка в произведениях художественной литературы были более высокими.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Заимствованные из русского языка модальные слова в удмуртской разговорной речи стали активно использоваться с 80-х гг.

2. Большинство заимствованных из русского языка модальных слов, не считая слов *можот, конешно, незнай* чаще всего встречаются в речи интеллигенции – учителей, писателей, руководителей предприятий.

3. Наблюдения за живой разговорной удмуртской речью показывают, что многие из перечисленных заимствованных модальных слов в нашем активном словаре довольно часто употребляются, хотя специальных исследований по этому вопросу проведено не было.

4. Очевидным является то, что заимствованные модальные слова способствуют обогащению нашей речи в плане способов выражения субъективного отношения к действительности.

5. Очевидно также, что пополнение состава модальных слов в удмуртском языке происходит как за счет собственных лексических ресурсов (перехода знаменательных слов в модальные вследствие их “семантического усыхания” – утери их лексического значения и употребления в речи в иной грамматической функции), так и за счет заимствований из русского языка.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос. Куинь томен. Т. 3. Ижевск: Удмуртия, 1988. 744 б.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2: Синтаксис. Изд. 3-е. М.: Просвещение, 1968. 344 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. книж. изд-во, 1962. 376 с.

ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. Ижевск: Удмуртия, 1970. 246 с.

Кельмаков В. К. Удмуртско-русские языковые контакты и развитие фонетической системы удмуртского языка // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Устинов, 1986. С. 32–45.

Насибуллин Р. Ш. Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период). Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 1999.

Перевозицков Г. К. Йовалег: Роман-диалогия. – Ижевск: Удмуртия, 1988. 504 б.

Серебренников Б. А. О некоторых результатах контактирования финно-угорских и тюркских языков // СФУ II, 1983. С. 112–114.

СРЯ 1952 – Современный русский язык. Морфология (курс лекций); Под ред. В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1952. 519 с.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Учеб. пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений / Удм. гос. ун-т. Каф. удм. языка и лит. Ижевск, 1981. 105 с.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Лексикология. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 140 с.